

ДОБРОДЕТЕЛИ И БЛАГА СПОРТИВНОГО ЭТОСА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ АГОНАЛЬНОГО БЫТИЯ

В. А. Костенич

(МГУ имени А. А. Кулешова, Могилев, Беларусь)

В статье обсуждается архетипическая предыстория современного спортивного этоса, нелинейно вызревающая в таких Ликах агонального соперничества с Судьбой, собственными витальными инстинктами, иными социумами и отдельными «конкурентами», как Герой, Рыцарь и Аристократ.

Ключевые слова: Спортивная этика, агональность, совершенный человек, герой, подвиг, рыцарь, поединок, аристократ, дуэль, честь, честолюбие, репутация, тщеславие, достоинство, совесть.

Феномен спортивной этики философски любопытен тем, что в его социокультурном пространстве получили свою современную аксиологическую констелляцию и транскрипцию целый ряд исторически сбывшихся форм агонального соперничества. Спорт высших достижений выступает в качестве их живого наследника и транслятора *определенных императивов «должного» бытия человеческой самости* в условиях конфликта телесных и интеллектуальных «совершенств». Именно здесь, в мир-системных про-

екциях столкновения человеческих воль, парадоксально «обыгрываются» конкурентные «самолюбия» нашей прагматически ориентированной природы. В процессе спортивных состязаний человеческая экзистенция оказывается перед драматическим выбором между *благами и добродетелями*, публично разоблачается в своих интенциональных мотивациях и личностном масштабе. Этнос целесообразности (победа любой ценой) и сословно-корпоративных инсталляций сталкивается с отважной мудростью справедливости, настаивающей на «*золотой середине*» *чести и достоинства*. Причем, как отмечал в свое время Дробницкий О.Г., различие между *честью (или репутационным реноме* в сообществе «своих») и достоинством (честью по отношению к исповедальности собственной совести), «наиболее зримо проявляется в конфликтных ситуациях, когда личность восстает против локальных общепринятых в ее среде критериев «добропорядочности» и «кодексов чести» и предъявляет к себе требования более высокого порядка, исходя из «всечеловеческого закона жизни» [1, с. 66].

В этой связи хотелось бы тезисно реконструировать *историческую предысторию спортивной «честь имею»*, обнаружив ее архетипических предтеч и присущие им «философии ценностных предпочтений» по отношению к своим батальным визави. Как нам представляется, особый интерес вызывают в данном случае такие знаковые *фронтмены агонального бытия*, как «герой», «рыцарь» и «аристократ», формирующие собственную моральность в сражениях, на турнирных ристалищах и в дуэльных мизансценах. Мировоззренческим же экраном для их сопоставления выступает фигура «совершенного человека», чье идеальное бытие «...не столько антропоморфное, человекообразное, сколько антропогенное, человекопорождающее» [4, с. 41].

Архетип героя поведенчески многопланов и тысячник. Прежде всего он описывает мифологическую персону, которая творит человеческую культуру, учреждает ее институциональные артефакты (право, государство, нравственные табу), задает жертвенную симфонию спасения, выражает лично воплощенную святость. Вместе с тем герой олицетворяет собой образ «воина», демонстрирующего «образцы» подлинной мужественности. Не щадя живота своего, он борется с «драконами» и «чудовищами», под личиной которых символически просматривается (животная) природа человеческого естества, стремящегося превозмочь хронотопы своей пространственно-временной локальности и хтонические аберрации бессознательных инстинктов. «Ахиллесова пята» смертности не отбирает у героя пафоса вызова превратностям Судьбы и стоической невозмутимо-

сти. Мания победы, как «приза» для собственного родового сообщества оказывается его визитной карточкой. Победы ценой самопожертвования, задающего сюжетные верификации темы «подвига». Но *не гимн победы, а победа через подвиг становятся синонимами «героического»*. (Со)общество же славословит героя в триумфальных арках и панегириках, выступающих высшими формами социального признания.

Однако подлинный «спортивный интерес» в облике героя вызывает сама «субстанция» его подвижнической активности, которая проявляется в... поединке. «Герою нужен другой герой... не для демонстрации своего превосходства, а для того, чтобы быть... первым среди равных... Поединок подкрепляет и выражает собой человечность героя, но он и выводит его за пределы человеческого. Герой должен... превзойти человеческое, чтобы в тоже время остаться человеком» [3, с. 106, 107]. Иначе говоря, *герой превращает поединок в пространство человеческой уникальности*, взыскующей самоутверждения в контексте «пограничных ситуаций» столкновения с инфернальными силами Хаоса (возможностей). Здесь ничто не предопределено, но сам субъект заявляет свои претензии на то, чтобы быть синергетическим аттрактором нелинейной динамики агонального спектакля. Поединок созидает голографию публичного свидетельствования по поводу лично понимаемой миссии (внеисторического) образца и этического авторитета безусловной чести. *Поединок становится (этическим) поступком*. У героя (как бы) «...нет предшественников и преемников. Его деяния абсолютны. Каждый раз он начинает заново на свой страх и риск, он же для себя и высший судия... И при всем этом героизм абсолютно лишен самолюбования и самодовольства... Слава – это дань и дар герою. Она является некоторым подобием благодати, излучаемой божеством... Войдя в пространство славы, герой окончательно убеждается в том, что ему дано право только на движение по прямой, без зигзагов и срывов» [3, с. 112, 117, 129, 131].

Рыцарь – это лицо героическое, но в новом смысловом антураже. Если мысленно вывести за скобки историю «крестовых походов», с их топографией войн с неверными за гробь Господен и куртуазные эротологии любовных томлений по прекрасной Даме, в свете которых рыцарь утверждал свою сакральную и гендерную ипостась, тогда на авансцену выходит его рафинированные эстетика и этикет турнирной галантности. Он скрупулезен в калькуляции строжайших матриц исполнения поединка, предполагающего щепетильное внимание к любой из его деталей. *Рыцарь и есть «герой деталей»*, задающих континуум бесконечно малых,

но столь же бесконечно важных «условностей порядочности», превращающих (в идеале) любой поединок в театр честолюбий, нуждающихся в междометиях аплодисментов газетной публики. Автоматически авансированные в качестве агонального предисловия «Уважение к противнику, гордость и «игровое» отношение к жизни заставляли предоставлять противнику по возможности равные шансы... Использование слабости противника не приносило рыцарю славы» [2, с. 87–88]. *Почести вторичны по отношению к доблести и достоинству, а стыд является корпоративным предупреждением бесчестия. Рыцарь – молитвенно благообразен, как турнирный боец и по-детски раним к поползновениям обидеть его статусную идентичность. Для него невообразимы любые «шоутизации» бранью словесных инвектив предстартовые мгновения турнирных подиумов. Рыцарь не приемлет торгашеский «престиж», ибо репутация чести не допускала имиджевых симулякров, как самоубийств благородства.* Правда, «Ставшее притчей во языцех рыцарское великодушие проистекало скорее из гордости, нежели из человеколюбия» [2, с. 499]. Следовательно, рыцарский этос все еще остается зомбирован гордыней корпоративного зеркала и пробуксовывает на путях к общечеловечности принципов (будущего) олимпизма. *Во имя справедливости и во славу чести* не получают здесь (пока) своего тотального воплощения.

Дуэль всегда аристократична. Она не столько (воз)рождает тщеславное в человеке, сколько расширенно (и нередко искусственно) воспроизводит изобретаемые напоминания о благородстве партнеров, каждый из которых как бы «светится» им. Аристократ затевает поединок в качестве поведенческой экспликации своих желаний быть «истинно» отважным, храбрым, доблестным, великодушным, надменным к превратностям Судьбы и техническим оплошностям своего воинствующего тела. «Дуэлянтам нечего делить между собой, кому-то мстить, восстанавливать поправленную справедливость и тому подобное. Каждый из них не просто безупречно вежлив и предупредителен, он предполагает в другом безупречного человека... Высший смысл дуэли в том, чтобы в очередной раз удостоверить и подтвердить человеческое совершенство и безупречность ее участников» [3, с. 336]. Таким образом, *дуэльный поединок смещает акценты с результата на процесс, превращает процесс в испытание на достоинство*, трансформируя конечный результат «игры честолюбий» в локальный реверанс публичному взгляду. Фактически, «публичность» оказывается не самодовлеющим, а факультативным аспектом дуэльных коллизий. *«Слава» результата не в самой*

победе над Другим, а в торжестве над чужими сомнениями в нашей героической ежедневности. «Парадоксальным образом дуэлянту надобна репутация человека, без всяких дуэлей утвержденного в своем самостоянии... В дуэли честь разомкнута вовне, в сторону репутации, хотя происходить она должна «по совести». [3, с. 340, 341].

Современный спорт высших достижений все еще (преимущественно) скован цепями прагматического успеха, денежного вознаграждения, бонусами национальных чувствований, корпоративным пьедесталом, эгоцентричной субъективностью. И в то же время спортивное состязание объективирует ресурсы «общечеловечности», таящиеся в (исторических и личностных) недрах соперничающих сторон. Именно здесь предельно остро формируется запрос на (героическую) возможность быть (рыцарски) благородным Человеком, способным (публично) сфокусировать собственную человечность в формах (дуэльного) испытания чести и достоинства, не капитулировавших перед соблазнами и грехами преходящей славы...

Всмотримся в их, проявленные Временем, образцы и эталоны... И соберем(ся) по крупiciам...

Список использованной литературы

1. Дробницкий, О. Г. Проблемы нравственности / О. Г. Дробницкий. – М. : Наука, 1977. – 333 с.
2. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа : Исслед. по истории морали: пер. с польск. / общ. ред. А. А. Гусейнова : Вступ. статья А. А. Гусейнова и К. А. Шварцман / М. Оссовская. – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
3. Сапронов, П. А. Феномен героизма. – 2-е изд. исправ. и доп. / П. А. Сапронов. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. – 512 с.
4. Совершенный человек // Человек. – 1995. – № 2. – С. 37–52.